

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие
Социально-политические и идейные предпосылки французского просвещения XVIII века
Фонтенель
Мелье
Монтескье
Вольтер
Руссо
Ламетри
Дидро
Гельвеций
Гольбах
Вольней
Маршалль
Французский материализм — один из идейных источников утопического социализма и коммунизма XIX века
Библиография

Веб-публикация: Martine-Gabrielle и редакторы библиотеки Vive Liberta и Век Просвещения, 2010. Книга выложена по главам, персональная библиография добавлена к соответствующим главам; ссылки для скачивания даны в нашем сообществе и в библиотеке.

Подборка материалов о Вольнее:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#volney>

Один из видных мыслителей периода французской буржуазной революции конца XVIII века и последовавших за ней господства Наполеона и реставрации династии Бурбонов, Константин Франсуа Буажире (Шасбёф), известный под псевдонимом Вольней, сыграл заметную роль в развитии атеистического мировоззрения. Опираясь на творчество предреволюционных философов-просветителей Гельвеция, Дидро, Гольбаха, он в ряде вопросов развил их критику религии и церкви, выдвинул дополнительные аргументы в защиту атеизма, в новых исторических условиях боролся за дальнейшее развитие научного познания. Этого было вполне достаточно, чтобы не только вызвать к себе ненависть феодально-клерикальных кругов, но и испытать весьма сдержанное отношение со стороны тех буржуазных деятелей, которые осознали, насколько пришедшая к власти буржуазия нуждается в религии и церкви для укрепления своего классового господства. Как правило, буржуазная

историография отмечала заслуги Вольнея в области истории, лингвистики, востоковедения, но замалчивала его роль и значение в критике религиозно-идеалистического мышления.

Вольней родился в 1757 году в Кране в семье судейского чиновника. В 1774 году, после окончания коллежа, он переехал в Париж для изучения медицины, но больше увлекался философией, историей, исследованием древних и восточных языков. Еще в студенческие годы он написал серьезную работу о хронологии Геродота. Талантливым молодым ученым заинтересовался Гольбах и ввел его в салон вдовы Гельвеция. Таким образом Вольней получил доступ в один из умственных центров Парижа, где встречались виднейшие оппозиционные по отношению к феодальному строю и абсолютной монархии философы, историки, писатели, политические деятели.

Франция была накануне буржуазной революции, которая в своем поступательном движении покончила с феодализмом, абсолютной монархией, правами и привилегиями церкви и открыла широкие просторы для развития прогрессивного для той эпохи капиталистического строя. Обреченные на гибель защитники феодализма с помощью королевской власти прибегали к репрессиям, чтобы отстоять существование феодальных порядков, искоренить «опасные» идеи, подавить народные волнения. Но репрессии приводили к обратным результатам: росла ненависть к сословному неравенству, к феодальным формам эксплуатации, к идеям и учениям, которые были призваны именем бога оправдывать вопиющую социальную несправедливость, безмерные страдания большинства нации.

Вольней формировался как ученый и мыслитель в этой предгрозовой обстановке, когда идеологи передовой буржуазии в основном осуществили переоценку всех феодально-религиозных «ценностей». Уже были опубликованы многие работы Монтескье, Вольтера, Ламетри, Гельвеция, Дидро, Гольбаха, Руссо и других просветителей. Вольней имел возможность пользоваться выдающимся литературным памятником эпохи — знаменитой французской «Энциклопедией», где, хотя и с вынужденными предосторожностями и оговорками, были воспроизведены взгляды передовых мыслителей на все суще-

ственные вопросы, волновавшие французское общество незадолго до падения старого порядка.

Желая глубоко изучить историю древних народов, Вольней в 1783 году выехал в Египет и Сирию. Как сообщает Адольф Босанж, биограф Вольнея, последний восемь месяцев жил среди друзей в монастыре в горах Ливана и изучал арабский язык, без которого не мог бы осуществить свои исследования. Уже из бесед с монахами Вольней составил представление о нравах местного населения, об образе политического правления, о взаимоотношениях между людьми. «Здесь, как и в Европе, он видел лишь деспотизм, присвоение народных средств; здесь, как и в Европе, он видел небольшое число привилегированных лиц, которые нагло захватывали плоды тяжкого труда большинства народа...»¹ Три года Вольней общался с арабскими племенами, изучал их нравы и обычаи. Воспитанный в гуманистических традициях просветителей, он был проникнут глубоким сочувствием к этим племенам и пользовался симпатией многих их представителей.

Вернувшись на родину, Вольней в 1787 году издал «Путешествие Вольнея в Сирию и Египет», восторженно принятое в научном мире. Екатерина II, которая выдавала себя за покровительницу наук и искусств, не замедлила наградить Вольнея медалью. Несколько лет спустя в знак протеста против враждебной деятельности царской России по отношению к новой Франции Вольней демонстративно вернул Екатерине эту медаль.

Незадолго до начала французской буржуазной революции 1789—1794 годов Вольней был назначен главным управляющим земледелием и торговлей на Корсике. Революция втянула Вольнея в водоворот важнейших политических событий. Он был избран депутатом в Генеральные штаты от «третьего сословия» города Анжу. Не оставляя научных занятий, Вольней принимал довольно активное участие в революционных преобразованиях Франции. В Учредительном собрании он выступал как враг дворянства и духовенства, настаивал на ограничении власти короля.

Сохранились данные, показывающие, каким убежденным противником войн был Вольней. Так, в своем выступлении 16 мая 1790 года он настойчиво и убедительно

требовал лишить короля права объявлять войну. Вольней заявлял, что войны, затеваемые королевской властью, оплачиваются кровью народов. Он был автором проекта декрета Национального собрания, где провозглашалось братское содружество всех народов, исключение войны как средства решения споров между государствами. В этом проекте имелись знаменательные слова: «Французский народ отныне отказывается вести какую бы то ни было войну, которая преследует цель расширения французской территории». В работе «Руины, или Размышления о расцвете и упадке империи» (1791) Вольней выражает уверенность, что со временем между народами установятся отношения доверия и дружбы, «а это приведет к отказу от варварского обычая вести войны и заставит их, подчинившись необходимости, встать на путь мирного решения своих споров»².

В Национальном собрании Вольней не отличался большой радикальностью в постановке и решении ряда важнейших экономических и политических вопросов. При всем своем отрицательном отношении к королевской власти и к личности Людовика XVI он оказался в числе тех, кто был против казни короля. Политическая умеренность сказывалась у Вольнея в понимании путей и темпов уничтожения феодальных отношений, в оценке роли революционной деятельности народных масс, в боязни углубления революции. Не случайно в период якобинской диктатуры Вольней за свои критические выступления подвергся тюремному заключению. Переворот 9 термидора вернул ему свободу. Вскоре он был избран профессором Нормальной школы — нового центра научной мысли Франции.

В 1795 году Вольней предпринял поездку в Америку, увлеченный непомерно раздутыми рассказами об «абсолютной» демократии, якобы царившей там. Покидая Францию, он был склонен противопоставить своей бурлящей событиями родине спокойную Америку с утвердившимися, как он полагал, демократическими порядками, строгой справедливостью и законностью. Но его ожидало глубокое разочарование. Известный химик Пристли, в прошлом умеренный материалист, а ко времени приезда Вольнея в Америку ставший одним из руководителей секты квакеров, обрушился в памфлете «По по-

¹ Oeuvres complètes de V.-F. Volney, t. 1. Paris, 1821, p. VII.

² Вольней. Избранные атеистические произведения. М., 1962, с. 87.

воду развития неверия» на автора «Руин», в весьма резких выражениях осуждая его атеистические взгляды. Pamфлет Пристли создал для Вольнея невыносимую обстановку. Совершенно бесосновательно обвиненный кроме того, в шпионаже в пользу Франции, Вольней был вынужден покинуть Америку.

В 1799 году, после переворота, совершенного Бонапартом, Вольнею был предложен пост министра внутренних дел, от которого он отказался. Вообще отношения между двумя этими деятелями сложились довольно интересно. Вольней познакомился с Бонапартом на Корсике в 1792 году, когда тот был еще скромным артиллерийским офицером. Несколько лет спустя Вольней отговаривал Наполеона от поездки в Турцию, где тот хотел сделать военную карьеру. Историки утверждают, что Вольней использовал свои связи, чтобы рекомендовать Наполеона Баррасу. Придя к власти, Наполеон попытался отблагодарить Вольнея: последний был назначен членом Сената, удостоился графского титула и т. д. Однако Вольней сохранил свои республиканские идеалы, неприязнь к личной диктатуре, к заигрыванию с религией и церковью, к захватническим войнам. Этого было достаточно, чтобы вызвать раздражение Наполеона. Вынужденный оставить политику, Вольней целиком посвятил себя науке.

Он был свидетелем падения наполеоновского режима и реставрации Бурбонов. На коронавание Людовика XVIII он ответил резким атеистическим и антимонархическим памфлетом «История Самуила». Умер Вольней в 1820 году.

Продолжая дело французских просветителей XVIII века уже в условиях буржуазной революции, Вольней атакует феодализм, сословное деление общества, феодальные формы собственности и эксплуатации. Он выступает против абсолютизма и ратует за принципы буржуазной демократии, за буржуазно понятое свободу, равенство и справедливость. Мыслитель восторженно приветствует революцию, отмечая ее значение для расшатывания феодально-монархической системы в других странах. Устами Духа руин Вольней провозглашает: «Да, мой слух уже улавливает доносящийся сюда издалека глухой шум. Это — требование свободы, провозглашаемой на берегах далекой реки, отголосок которой слышен и на древнем материке. При этих возгласах тай-

ный ропот против угнетения поднимается из недр великого народа. Вся нация охвачена спасительным волнением, народ бьет тревогу по поводу своего тяжелого положения. Он спрашивает, чем он является и чем он должен быть. Изумленный своей слабостью и нищетой, он ищет средств и путей осуществления своих прав, осуждает поведение своих властителей. Пройдет еще день, день размышлений... и родится великое движение несметного множества людей, наступит новый век! Это будет век, который вызовет изумление и восторг простого человека, век неожиданностей и ужаса для тиранов, век освобождения для великого народа и надежд для всего человечества!»³

Вольней, конечно, далек от политического радикализма якобинцев. Его позиция ближе к жирондизму. Даже в «Руинах», наиболее революционном по духу произведении, он рассматривает деление общества на богатых и бедных как нечто само собой разумеющееся. Бедняки, по Вольнею, должны сопротивляться соблазну, не зариться на чужое добро. Правда, он одновременно советует богачам умерить жажду наживы, необузданное корыстолюбие.

«Идеальное общество», о котором вслед за Гельвецием, Гольбахом и другими мечтает Вольней, — это общество, освобожденное от феодальных пут, от абсолютизма, общество буржуазное, где имущественное неравенство — по искреннему, но утопическому желанию философа — не должно заходить слишком далеко и нарушать гармонические взаимоотношения людей. Вольней полагал также, что с исчезновением феодализма исчезнут неравенство между народами, порабощение одного народа, одной расы другими народами, другой расой. Он со всей убежденностью доказывал равенство рас и народов, их одинаковые права на независимость и самоуправление. В «Руинах» мы находим гневные выпады против порабощения отсталых наций великими державами. Имея в виду угнетающие нации, Вольней писал: «...эти народы, называющие себя цивилизованными, — разве не они вот уже в течение трех столетий творят несправедливость во всех концах нашей планеты? Разве не они под предлогом развития торговли опустошили Индию? Разве не они истребили население Африки, при-

³ Там же, с. 88.

вели к обезлюдению новый материк и еще и в настоящее время держат Африку в состоянии самого варварского порабощения?»⁴ Вольней, конечно, не мог предвидеть, что господствующая буржуазия доведет до крайних пределов не только угнетение человека человеком, но и порабощение слаборазвитых народов.

Очень большое место в творчестве Вольнея занимает критика религии и церкви, выступавших фанатичными защитниками феодальной реакции.

В литературном наследии Вольнея нет специальных трудов, посвященных разработке проблем материалистической философии — этой основы научного атеизма. Однако он, целиком опираясь на принципы школы Дидро, исходит из первичности материи, тела и вторичности мышления, сознания. Во всех сферах бытия Вольней ищет материальное начало, которое обуславливает возникновение и развитие психических и, более широко, моральных явлений. Интеллектуальное развитие человека он ставит в прямую связь с воздействием внешней материальной среды. «...Впечатления, — пишет он, — которые человек получал от каждого предмета, пробуждали его способности, постепенно развивали его рассудок, силу его мышления; он начал приобретать знания, медленно, шаг за шагом выходя из состояния полного невежества»⁵.

Вольней настаивает на том, чтобы из области познания были исключены всякие вымышленные сверхчувственные предметы, которые прямо или косвенно не способны воздействовать на органы чувств человека. По Вольнею, следует провести резкую линию, отграничивающую вещи, которые могут быть проверены человеком, от вещей, которые можно признать существующими лишь по велению слепой веры. Он требует отделить нерушимой преградой мир фантастических существ от реально мира.

Воспроизводя сильные и слабые стороны сенсуализма французских материалистов XVIII века, Вольней провозглашает истинной соответствием наших ощущений качествам вне нас существующих вещей. «...Всякий раз, — пишет философ, — когда вы воспринимаете предметы такими, каковы они в действительности, вы дости-

гаете согласия друг с другом и с самим собой. Вот сходство между вашими восприятиями и способом существования предметов и есть то, что составляет для вас истину»⁶.

Бесспорно, сенсуализм, защищаемый Вольнеем, как и всякий сенсуализм, логически несколько принижает роль теоретического мышления, понятий и научных абстракций. Но бесспорно также, что сенсуализм Вольнея острен против идеализма и схоластики, против мистического и иррационального. Важно подчеркнуть, что, считая ощущение первой ступенью познания, Вольней во всех своих научных трудах был далек от мысли ограничить познание сферой чувственного знания.

Мыслитель признавал не только первичность материального мира, но и возможность его познания. В «Руинах» мы читаем следующие восторженные слова в честь человека и его интеллекта: «Человек — творец! Воздаю тебе хвалу и дань уважения! Ты измерил пространство небес, вычислил массу звезд, обуздал бороздящую тучи молнию, укротил моря и грозы, подчинил себе стихии»⁷.

Теоретико-познавательные вопросы не занимают сколько-нибудь значительного места в работах Вольнея. Как и Гельвеций, он был увлечен задачей рационального объяснения человеческой истории, выяснением реальных причин, которые обусловили возвышение и падение государств, возникновение, развитие и гибель тех или иных социальных институтов и явлений. Свое призвание в этой области Вольней видит в том, чтобы, продолжая дело просветителей-материалистов, создать новую, анти-теологическую концепцию философии истории. В «Руинах» он считает своим долгом ответить на вопросы: что способствует возвышению или падению империй, какими причинами порождаются процветание и несчастья народов, на каких принципах должны быть основаны мир и счастье людей?

Вольней стремится показать, что в истории, как и в природе, действуют лишь естественные силы. Здесь нет места ни року, ни слепой судьбе, ни божественному провидению. Какими бы таинственными, загадочными и иррациональными ни казались те или иные исторические события, явления, они все же поддаются строго при-

⁴ Там же, с. 90.

⁵ Там же, с. 49.

⁶ Там же, с. 196—197.

⁷ Там же, с. 49.

чинному объяснению, ибо подготовлены всем ходом предшествующего развития. «Чудовищные происшествия, на которые жалуется человек, вовсе не являются причудами божества. Тьма невежества, в которой заблудился человеческий разум, вовсе не является затмением божьим. Источник общественных бедствий находится не на небесах, — он здесь, на земле, рядом с человеком. Этот источник не скрыт в лоне божества, — он в самом человеке и заключен в его сердце»⁸.

Человек, утверждает Вольней, как и весь мир, частью которого он является, подвластен естественным законам. Эти законы действуют со строгой последовательностью и правильностью, приводя к одним и тем же последствиям. Эти законы, представляющие собой источник благ и бедствий человека, «вовсе не начертаны где-то далеко на звездах и не скрыты в таинственных правилах религий, а внутренне присущи природе земных существ»⁹.

Изгоняя идею бога из истории, Вольней обращается к «природе человека», к той сумме казавшихся мыслителю вечными и неизменными качеств человеческой души, которые, как он считал, способны объяснить исторические события. Идя по этому пути, Вольней, как и Гельвеций, останавливает свое внимание на принципе себялюбия. В основе всех мыслей и действий людей, утверждает Вольней, лежит стремление к удовлетворению личного интереса. Все действия людей, войны, перевороты и другие общественные явления имеют своей причиной чувство эгоизма, желание приобрести богатства, власть, удовлетворить неутомимое честолюбие. Человек наделен чувством отвращения ко всем вещам, которые могут быть источником неприятных ощущений. Напротив, он тянется ко всему, что может доставить ему удовольствие, радость, счастье.

Любовью человека к самому себе Вольней объясняет возникновение общества, его совершенствование, а также противоречивое развитие через кровавую борьбу племен, народов, наций, сословий. Задолго до историков времен Реставрации Вольней, вслед за Гельвецием указал на такое постоянное явление, как борьба сословий, порожденная материальными интересами, но объяснял эту борьбу все тем же чувством себялюбия.

«Не довольствуясь благами, — писал Вольней, — которые давали им земля и их мастерство в труде, люди стали с жадностью накапливать предметы потребления, покушаясь на то, чем владели их ближние. Сильный человек поднялся против слабого, чтобы насильственно завладеть плодами его труда. Слабый призвал на помощь другого слабого, чтобы оказывать сопротивление насилью. Тогда сильные сказали друг другу: «Зачем нам утруждать себя производством предметов потребления, которые находятся в руках слабых? Объединимся между собой и ограбим их. Они будут выполнять для нас утомительную работу, а мы будем наслаждаться, не трудясь».

«И сильные объединились, чтобы угнетать, а слабые — чтобы сопротивляться. Люди стали мучить друг друга, и на земле установился всеобщий гибельный раздор...»¹⁰

Легко заметить наивный, донаучный характер представлений Вольнея о происхождении классов и классовой борьбы. Но нельзя отрицать враждебное теологии и спиритуализму направление его мысли, его стремление истолковать такое существенное явление классово-антагонистического общества, как борьба классов, с помощью естественных аргументов. В условиях XVIII века это было все же шагом к научному познанию общественной жизни.

Опираясь на наследие дореволюционных просветителей, Вольней отвергает вымыслы о божественном происхождении государственной власти, законов, привилегий господствующих феодальных сословий. Источник власти одной части общества над другой — не веление мифического бога, а результат все того же эгоизма, утратившего всякую разумную меру, всякую связь с общим интересом.

У Вольнея еще не могло быть научных представлений об экономических основах возникновения классов, классового неравенства и эксплуатации. Но он отбрасывает теологические версии происхождения неравенства и порабощения большинства граждан незначительным числом тунеядцев. Возникновение социального неравенства он объясняет чисто политическими актами, насильем, обманом невежественных людей и т. п.

⁸ Там же, с. 39.

⁹ Там же, с. 46.

¹⁰ Там же, с. 51—52.

Государство, созданное для удовлетворения интересов всех, утверждает Вольней, со временем стало достоянием самых алчных, жестоких, деспотичных членов общества, орудием для удовлетворения их узкоэгоистических интересов. Мысли Вольнея о происхождении государства в свете современной науки наивны, но они были направлены против феодально-клерикальных учений о божественном происхождении государства и содействовали росту антимоноархического движения.

Общий вывод из «Руин» Вольней сводится к тому, что вопреки утверждениям религиозных учений в общественной жизни невозможно усмотреть и следа божественного разума, божественной воли. Если бы история человечества являлась осуществлением предначертаний разумного, всемогущего и милосердного бога, то она не была бы столь хаотичной и жестокой. Нескончаемые войны, руины некогда цветущих городов и империй — всего этого более чем достаточно, чтобы отказаться от идеи бога. Таким образом, смутная и противоречивая идея бога опровергается не только законами природы, но и реальной картиной человеческой истории. Отвергая бога, Вольней, однако, вовсе не исключает закономерность, необходимость развития общества.

Вольней выразил глубокую веру в восходящее развитие человечества. Он указывает на огромный путь, проделанный человечеством от наиболее примитивных форм социальной жизни к современному европейскому обществу. Совершенствуются не только отдельные индивиды, указывает философ, но и общество в целом. Нет деградации ни человека, ни человеческого общества. Чтобы доказать наличие этой мнимой деградации, пришлось бы опровергнуть свидетельства фактов и здравого смысла. Социальный прогресс Вольней видит в смягчении нравов, росте культуры и просвещения, гуманности, в обмене материальными и духовными ценностями между народами, росте свободы личности и т. п. Достигнутый уровень просвещения философ считает основанием для дальнейшего продвижения к высшим формам человеческого общежития.

В истолковании исторического прогресса Вольней, хотя и далек от материалистического понимания проблемы, тем не менее со всей решительностью отвергает ссылки на сверхъестественные начала, на принципы телеологизма, имманентную цель и т. п. Социальный

прогресс он объясняет все тем же чувством эгоизма. «...Человека, — пишет Вольней, — с такой же непреодолимой силой влечет к счастью, с какой огонь стремится вверх, камень падает, повинувшись закону тяжести, или вода принимает один уровень»¹¹. Человек становится разумным и добрым, ибо это соответствует его правильно понятым интересам.

Дальнейший исторический прогресс Вольней обуславливает гармоническим сочетанием личных и общественных интересов. По его представлению, люди все больше начинают понимать, что крайний эгоизм, вступающий в противоречие с интересами других людей, рано или поздно терпит поражение. Во имя собственных интересов люди должны стать гуманными. Сочетание личных и общественных интересов Вольней по примеру Гельвеция связывает с наличием разумного законодательства, несовместимого с законами феодального общества.

Говоря о последующем естественном прогрессе общественной жизни, Вольней наивно полагает, что строй общественной жизни, идущий на смену феодализму, несет упразднение социальных конфликтов, войн. В действительности капитализм привел к новому обострению всех социальных противоречий, породил войны куда более страшные, чем все предыдущие. Вольней, как и другие буржуазные просветители, не в состоянии был понять, что сохранение частной собственности исключает строй свободы, равенства, справедливости.

Основная заслуга Вольнея в истории атеистической мысли выразилась в попытке освободить представления об обществе от религиозных вымыслов. Временами Вольней оперирует аргументами деизмов. Так, рассуждения Духа руин пронизаны ссылками на деистического бога. Мы знаем, что в рассматриваемую эпоху деизм был вежливым способом изгнания идеи бога из реальной жизни. Тем не менее следует указать, что рассуждения, которые ведутся от имени самого автора, свободны даже от этой деистической ограниченности.

Вольней подверг острой критике религиозное мировоззрение, религиозную нравственность, реакционную, человеконенавистническую роль духовенства, его попытки разжечь фанатизм, подавить революционный порыв масс к новым, более прогрессивным формам жизни.

¹¹ Там же, с. 85.

Вслед за французскими материалистами Вольней доказывает, что религия — не просто ложное, антинаучное мировоззрение, она приспособлена к тому, чтобы оправдывать права и привилегии господствующих феодальных сословий, примирять народные массы с их жалкой участью, отнимать у них веру в собственные силы, в возможность счастья на Земле.

В «Руинах» Вольней не только прославил французскую революцию как начало новой эры в истории человечества, но и в ярких красках обрисовал вражду феодального духовенства к революции, показал священников и религию как силы, враждебные интересам восставших народных масс. Характерна в «Руинах» сцена встречи людей из народа с аристократами и духовенством. Вся защита аристократами своих прав оказалась блестяще опровергнутой. Для них осталось только одно спасение — запугать народ именем бога и религии. На арену выступили священники, и между ними и народом завязался такой разговор:

«Священники. Дорогие братья! Дети наши!.. Господь бог повелел нам управлять вами.

Н а р о д. Докажите нам небесное происхождение вашей власти.

Священники. Вы должны иметь веру, разум обманывает вас.

Н а р о д. Разве вы правите нами не размышляя?

Священники. Господь желает мира среди людей. Поэтому религия предписывает послушание.

Н а р о д. Сохранение мира предполагает осуществление справедливости. Чтобы быть послушным, человек должен быть убежден, что выполняет этим свой долг.

С в я щ е н н и к и. Человек рождается здесь, на земле, только для того, чтобы страдать.

Н а р о д. Покажите нам пример.

Священники. Уж не думаете ли вы жить без бога и королей?

Н а р о д. Мы хотим жить без угнетателей»¹².

Обращаясь к идеологам христианства, Вольней заявляет: «Ваша столь хваленая заповедь — если тебя ударили по одной щеке, подставь другую — не только противоречит всем нормальным человеческим чувствам, но противна вообще всякой идее справедливости. Она

придает смелости злодеям, так как обещает им безнаказанность. Она унижает добрых людей, обрекая их на рабство. Она предаёт мир бесчинствам и тирании...»¹³

Тонко и остроумно Вольней вскрывает стремление религиозных систем обосновать необходимость безропотного повиновения бедняков богачам, бесправных рабов — своим властителям. Религия «объясняет» и оправдывает все, что в интересах правителей. Словами утешения, сочувствия, сострадания она проникает в сознание подавленного, униженного, чтобы внутренне смирить его, убить в нем волю к сопротивлению, к защите своих законных прав.

Обобщая многовековой опыт истории, Вольней со всей прямотой и отчетливостью формулирует социально-политическую роль религии в защите интересов привилегированных классов. «Религия, — пишет он, — цель которой — затуманивать рассудок, стала служить средством политического господства над простыми легковерными людьми. При этом властью завладевали либо люди, которые сами были легковерны и являлись жертвами своих собственных бредовых выдумок, либо люди отчаянные и полные энергии, ставившие перед собой властолюбивые цели»¹⁴.

Особое место в атеизме Вольней занимает разоблачение религиозной нетерпимости, попыток духовенства натравить друг против друга людей различной веры.

Вольней изображает собрание народов, созванное для того, чтобы добиться их братского содружества во всем мире. Всеми восторженно принимается выступление представителя революционной Франции. Но вот появляются богословы различных религий и нарушают достигнутое было единство. Каждый из священников расхваливает свою религию и чернит другие. Всех охватывает крайнее возбуждение. Собрание грозит превратиться в арену ссор и столкновений людей против различных вероисповеданий. Тогда вновь выступает представитель Франции. Он призывает защитника каждой религии доказать истинность своей веры.

Начинается диспут. Первым говорит мусульманин. Он заявляет, что мусульманская вера наилучшая, ибо она дана в откровении самим богом. Со всех сторон

¹² Там же, с. 96.

¹³ Там же, с. 188.

¹⁴ Там же, с. 173.

слышны возгласы представителей других религий о том, что и их вера дана богом. «Наше вероучение, — продолжает мусульманин, — доказано многочисленными фактами, множеством чудес, воскрешением мертвых, иссушением потоков, перемещением гор и т. д.». Но этим нельзя никого удивить. «И у нас то же самое, — закричали все остальные, — у нас тоже совершенно множество чудес». И каждый рассказывает самые невероятные происшествия. Среди мусульман возникает раскол. Они не в состоянии договориться между собой.

Диспут продолжается. Потерпевший поражение мусульманин тем не менее остроумно и умело разоблачает христианство, показывает нелепости, которым верят христиане. Христиане, как и мусульмане, делятся на многочисленные секты и толки. Среди них нет согласия. Католики, кальвинисты, лютеране и т. п. — все по-своему понимают учение Христа.

Нет ничего удивительного в том, что Вольней уделил особое внимание критике христианства, которое выступило одним из ярых врагов французской революции 1789—1794 годов, собирало все свои силы, чтобы вернуть утраченные позиции, реставрировать феодальный строй и абсолютную королевскую власть.

Вот на арене представитель христианского богословия. В руках у него Библия. Он начинает с рассказа о том, как бог, проведя целую вечность без дела, вздумал из ничего сотворить мир. Вольней в сатирическом духе перечисляет главные деяния этого почитаемого христианами бога. В его делах нет ни логики, ни последовательности, ни элементарного разума. Вот он, бог-отец, творит первых людей, помещает их в рай, но из-за одного съеденного запретного плода изгоняет и проклинает своих любимцев. Он знает все, что было, что есть и что будет, но тем не менее ошибается на каждом шагу. В его воле было удержать людей от греха, но он этого не сделал, предоставив себе возможность безжалостно их покарать, а потом послал своего единственного сына, чтобы искупить своей смертью грехи людей¹⁵. Вольней не упускает случая показать несуразность, противоречивость рас-

сказов о рождении, жизни и смерти Христа. Выдавшие виды мистики, проповедники абсурда и те временами отказываются разобраться в совершенно неожиданных, умопомрачительных утверждениях христианского богословия.

Представитель ислама заявляет: «Если вы отвергли наше учение, как утверждающее невероятные вещи, можете ли вы признать христианское учение? Разве оно не противоречит еще больше здравому смыслу и справедливости? Нематериальный бессмертный бог становится человеком! Он имеет сына того же возраста, как и он сам! Этот богочеловек превращается в хлеб, который вкушают и переваривают в желудках люди!»¹⁶

Выведенные из терпения христианские богословы желают заменить аргументы логики «огненными аргументами». Они предлагают совершить «акт веры» над нечестивцами, т. е. сжечь их во славу божью. В момент, когда они разжигают костер, один из участников диспута говорит им: «Так вот она, ваша христианская кротость и нравственность добрых дел, которой вы перед нами только что похвалялись! Так вот в чем состоит ваше евангельское милосердие, борющееся против неверия в бога одной только добротой и отвечающее на оскорбления одним только терпением?! Лицемеры!»¹⁷

Вольней идет дальше и доказывает, что большинство догм, религиозных сказаний, которые выдаются за специфически христианские, существовали задолго до возникновения христианства. Установление преемственной связи между христианством и религиозными учениями, которые третируются отцами церкви как «языческие», «идолопоклоннические», «варварские» и т. п., срывает с христианства фальшивый ореол святости, боговдохновенности и т. п.

Подробно рассматривая вопрос об историчности Христа, Вольней доказывает, что мифический образ Христа уходит своими корнями в предшествовавшие восточные культы непорочно зачатых, умирающих и воскресающих богов. Как мы уже отметили, Вольтер, Дидро и другие передовые мыслители высказывали сомнения в существовании Христа. Никто из современников Христа, подчеркивал Дидро, ничего не знал о нем. В «Беседе с аб-

¹⁵ В другой связи, разоблачая нелогичность религиозных представлений о боге и его действиях, Вольней отмечает, что люди перенесли на творца свойственные им самим непоследовательность и противоречивость в мыслях и поступках.

¹⁶ Вольней. Избранные атеистические произведения, с. 124.

¹⁷ Там же, с. 126.

батов Бартеlemi» Дидро утверждал, что многие христианские догмы, обряды, праздники, даже черты образа Христа взяты из более ранних религий.

Вольней развил аргументацию, направленную против историчности Христа, и привел доказательства неоригинальности христианской мифологии. В «Руинах», в описании религиозного диспута, он прибегает к остроумному приему. Когда представитель буддизма говорит о рождении, деяниях и смерти Будды, христианские богословы, потрясенные сходством рассказов о Будде и Христе, прерывают оратора и заявляют, что буддизм есть извращенное христианство, что Будде приписывают качества, сходные с качествами Христа. Но этот выпад был легко отбит ссылкой на то, что буддизм возник задолго до христианства. Устами ламы Вольней заявляет, что христианские евангелия являются не чем иным, как книгами персидских митранстов и сирийских ессеев.

Конечно, всякая религия является фантастическим отражением специфических условий жизни людей и, следовательно, не может быть просто выведена из другой религии в порядке филиации идей. Поэтому к тенденции Вольнейя чрезмерно сблизить, отождествить в существенных частях христианство с предыдущими религиями следует проявить необходимую осторожность. Но вместе с тем его стремление найти преемственные связи христианства с дохристианскими учениями, вполне научно оправданное, наносило чувствительный удар по христианской апологетике.

Вольней требует подлинных доказательств существования Христа. Устами все того же ламы он говорит: «Докажите нам наглядно его существование памятниками той исторической эпохи, на которую вы ссылаетесь. Что касается нас, то, основываясь на отсутствии каких бы то ни было достоверных свидетельств, мы решительно отрицаем его существование»¹⁸. История молчит о Христе. О нем говорят люди, которые отделены от времени возникновения христианства веками. Эти люди пытаются доказать существование Христа ссылками на евангелия, которые полны противоречий и при внимательном чтении способны лишь укрепить сомнение в его существовании.

Рассматривая книгу Вольнейя, мы особо подчеркнули

его критику христианства. Но произведение французского мыслителя заострено против всех исключения религиозных учений. Кто хочет жить в мире с разумом, логикой, фактами, должен отказаться от религиозного мышления — таков вывод Вольнейя. Он заставляет ламу произнести следующие обобщающие диспут слова: «Все эти богословские вероучения... представляют собой просто фантазии. Все рассказы о природе богов, об их деяниях, об их жизни только аллегории, мифологические эмблемы, в форму которых облечены сложные по замыслу нравственные идеи и то, что нам известно о деятельности природы, об игре ее стихий и движении звезд»¹⁹. Вольней высказывает здесь верную мысль, что религия в извращенной, фантастической форме отражает реальные явления природы и социальной жизни, назревшие политические и нравственные идеи. Искажая подлинную картину действительности, религия мешает ее рациональному познанию.

Таким образом, диспут между церковниками различных вероисповеданий оборачивается против религии вообще. Вольней устами самих церковников беспощадно осмеивает основы всех религий, их противоречивый и нелепый характер, доказывает их несовместимость с наукой.

В соответствии с традициями французского атеизма XVIII века Вольней уделил большое внимание вопросу о происхождении религии. Он отлично понимал, что разработка научной теории происхождения религии есть верный путь ее разоблачения. Задача состоит в том, чтобы найти естественные, земные корни религиозного мировоззрения, развенчать все варианты богословского вымысла о боговдохновенности религиозных представлений, врожденности религиозного чувства. Человек сам создал в своем воображении образ бога. Это старое, неопровержимое исходное атеистическое положение Вольней подкрепляет достижениями научного познания своей эпохи. «...Не бог создал человека по своему образу и подобию, — пишет он, — а человек создал образ бога по своему подобию. Человек вложил в него свой разум, приписал ему свои склонности, наделил его своими суждениями...»²⁰

¹⁸ Там же, с. 134.

¹⁹ Там же, с. 135.

²⁰ Там же, с. 72.

В «Руинах» Вольней прослеживает различные этапы развития религии, от примитивного олицетворения сил природы до сложного, противоречивого образа христианского бога. В свете современной науки о религии в схеме эволюции религиозных представлений, предложенной Вольнеем, много наивного. Но правильным является его стремление объяснить возникновение религиозных представлений процессом развития условий жизни человека и его духовного мира. В конечном счете, пишет Вольней, божество превратилось в отвлеченное существо, в схоластическую субстанцию, лишенную формы, тела и личности. «Но напрасно пытаются отнять чувственный облик у божества в этом его последнем превращении. С него нельзя стереть неизгладимый отпечаток его происхождения. Все его атрибуты заимствованы либо из физических свойств вселенной, каковы, например, бесконечность, вечность, неделимость, либо из нравственных чувств человека, каковы, например, доброта, справедливость, величие и т. д.»²¹

Вместе с тем Вольней делает попытку рассмотреть религию в ее становлении. При этом наряду с Дюпои он одним из первых исходит из принципа, что так называемые вечные и неизменные религиозные истины — продукт длительного исторического развития. «Священные законы», утверждает Вольней, суть продукты временных обстоятельств, условий места и влияний. Они развиваются один из другого, в генеалогическом порядке, заимствуют друг у друга основные идеи. Руководствуясь историко-сравнительным методом, Вольней устанавливает преемственную связь между различными религиозными учениями. Эта общность в религиозных взглядах обусловлена общностью условий жизни народов.

Как и дореволюционные просветители, Вольней, говоря о происхождении религии, не в состоянии отказаться от идеалистического толкования этого вопроса. Он апеллирует к чувству страха, к невежеству, обману, чтобы объяснить возникновение и развитие религиозных верований. Но внимательное изучение трудов Вольнея показывает, что он не удовлетворен подобными объяснениями и ищет более глубоких причин существования религиозного мировоззрения. Опираясь на теорию формирующей

роли социальной среды по отношению к человеку, Вольней пытается найти корни религии в этой среде.

Подобно своим предшественникам — Дидро, Гельвецию, Гольбаху, Вольней понимает социальную среду идеалистически, полагая ее основанием не совокупность производительных сил и соответствующих им производственных отношений, а в первую очередь политическую форму правления, которая определяет форму хозяйствования, нравственность и т. п. Нетрудно увидеть, насколько велика разница между просветительским и диалектико-материалистическим, марксистским пониманием социальной среды. Но даже ограниченное, идеалистическое толкование этой среды как направляющей силы развития индивидов было в то время значительным шагом в сторону более глубокого осмысления законов общественного развития. В «Руинах» Вольнея мы находим немало мыслей, не получивших научного подтверждения. Но следует подчеркнуть главное — стремление философа искать причины возникновения и развития религиозных представлений в социальной среде, хотя бы и неправильно понятой. «Когда же, — пишет Вольней, — в общественной жизни были введены сложные обычаи и церемонии, религиозный культ, *равняясь по реальной жизни* (курсив наш. — Х. М.), завел такие же обряды»²².

Признавая исключительную роль социальных условий в формировании религиозного мировоззрения, Вольней одновременно придавал огромное значение воздействию картины физического мира на происхождение и развитие религиозных иллюзий. Вольней и в данном случае хотел покончить с идеей боговдохновенности религии. «Итак, представления о боге и религии, — пишет он, — как и все другие представления, имеют своим источником физические предметы и возникают в сознании человека в результате испытанных им ощущений. Эти представления обусловлены его потребностями, обстоятельствами его жизни, зависят от степени развития человеческого познания»²³.

Вместе с Дюпои Вольней выдвинул так называемую астральную теорию происхождения религии, согласно которой большое место в религиозном мировоззрении занимает мистификация звездного неба. По Вольнею,

²¹ Там же, с. 172.

²² Там же, с. 147.

²³ Там же, с. 144.

мысль о существовании многих богов возникла в человеческом сознании на основе наблюдений за движением небесных светил. Говоря об астральном культе, философ замечает, что он «также был следствием познания человеком физического мира. Кроме того, его возникновение было связано с обстоятельствами перехода людей от первобытного к общественному состоянию, а именно с ростом их потребностей и с первыми ступенями научного познания, которое явилось существенной составной частью процесса формирования общества»²⁴.

Астральная теория не представляет ныне научного интереса. Но и она была направлена против религии и содержала много правильных мыслей о связи религиозных верований с условиями жизни людей, с формами хозяйственной деятельности. Сам интерес людей к звездному небу Вольней объясняет их материальными потребностями. На определенной стадии развития хозяйства обработка земли, пишет мыслитель, могла осуществляться лишь при условии наблюдения небесных явлений.

Вольней пошел значительно дальше многих своих предшественников, указав, что развитие религиозных представлений обусловлено страхом людей не только перед силами природы, но и перед своими угнетателями. Говоря о порабощении народных масс кучкой тунеядцев, Вольней писал: «При таком режиме безнадежное отчаяние охватило народы. К случайным несчастьям, приносимым людям грозными явлениями природы, присоединились страшные общественные бедствия, и обезумевшие, потерявшие голову люди приписали их высшим скрытым силам. И подобно тому как народ имел тиранов на земле, он предположил, что на небе также существуют тираны. Эти суеверия еще больше отягчали несчастья народов»²⁵.

По Вольней, природа вложила в сердце человека неисчерпаемую надежду. Однако человек видел, что надежды на счастье на земле обманывают его. Руководимый сладостной иллюзией, он создал в воображении другой мир, где вдали от тиранов сможет вернуть себе свои права. Но, увлеченный воображаемым миром, человек стал безразличен к реальному миру. Ради химери-

ческих надежд он не проявлял рвения в борьбе за свои интересы, в результате жизнь его становилась все невыносимее.

Вскоре после того как Вольней высказал эти мысли, французская буржуазия укрепила свои классовые позиции и, стремясь увековечить свое господство, начала заигрывать с религией, а затем превратила ее в средство оправдания буржуазной собственности и эксплуатации. Послереволюционная буржуазная интеллигенция утрачивала если не антиклерикализм, то во всяком случае свой атеистический пафос. В идейной жизни Франции «идеологи» в лице Кабаниса, Гара, Дестю де Трасси и других свертывали борьбу против религии и идеализма, шли на уступки поповщине. Вольней впоследствии также принадлежал к «идеологам». Правда, мы не можем указать ни одной работы, где он отказался бы от материалистических и атеистических убеждений, но после «Руин» он не написал ни одного труда, который дышал бы такой ненавистью к религии и церкви. Не отрицая значения «Истории Самуила» в истории атеистической мысли, мы, однако, не можем ставить ее по идейному радикализму в один ряд с «Руинами». Позже Вольней вовсе перестал писать работы, направленные против религии. Этим он, бесспорно, отдавал дань времени.

Сказанное не может умалять значения того, что было сделано Вольней для критики религии в годы революции. Он был в числе тех, кто пытался выйти за пределы чисто просветительской трактовки вопросов о происхождении и исчезновении религии, кто пытался связать религиозные представления с условиями жизни людей.

Вольней. Руины, или Размышления о революциях империй. М., 1928.

Вольней. Избранные атеистические произведения. М., 1962.

Вороницын И. П. История атеизма. М., 1930.

Момджян Х. Н. Атеистическое наследие Вольней. — Вольней. Избранные атеистические произведения. М., 1962.

Смирнов Н. Вопросы истории Турции и колониальной политики Франции конца XVIII в. в трудах Вольней. — Труды Московского гос. ин-та истории, философии и литературы, т. 6. М., 1940.

Ям К. Е. Труды Вольней в России. — Французский ежегодник. М., 1971.

* * *

Volney C. Oeuvre complètes, t. 1—8. Paris, 1838.

Volney C. La loi naturelle. Paris, 1934.

Sèché. Volney. Paris, 1891.

²⁴ Там же, с. 146.

²⁵ Там же, с. 66—67.